

Окончание. Начало в № 43

- Так что это за история с белым роялем?

- Дело в том, что я всегда мечтала о белом рояле. Раймонд Паулс обещал мне его подарить. Но как раз в то время распустили слухи, что у нас с Паулсом шуры-муры. Нам это было очень неприятно. А такие подарки еще больше скомпрометировали бы наши отношения, тем более я знала, что через несколько дней он приезжает ко мне с женой Ланой. Приехали. Она и говорит: "Это правда, что Раймонд собирался подарить тебе белый рояль?" Я ответила: "Нет. Это глупость какая-то, у меня давно есть рояль". За эти дни я нашла черный старый разбитый рояль и покрасила его. Он стоял у меня в комнате такой красивый, белый, как новый. После этого все облегченно вздохнули: "Не надо подарков..."

- Насколько я знаю, с вами вечно происходят какие-то истории. То на сцене пытаются ножом пырнуть, то еще что-то...

- Вы правы, от этих "что-то" я иногда доходила до такого состояния, что спокойно могла бы в мыслях кое-кого пырнуть сама. Но в жизни я никогда бы этого не сделала, потому что я верующая. Все очень сложно, ведь сумасшедших, душевнобольных людей становится все больше и больше вокруг нас. Это беда. Я уж не говорю об этих странных людях, стоящих у подъезда. Они называют себя поклонниками, а на самом деле это чистой воды хулиганы, кайфующие от безнаказанности своих действий, выливающие словесный поток угроз, грязи на мою бедную голову. Жизнь у них не удалась, и они, униженные и оскорбленные, удовлетворяют себя тем, что унижают и оскорбляют меня. Поверьте, надо иметь стальные нервы и бронированное сердце, чтобы не получить инфаркт от такого быта.

- Квартирный вопрос вас беспокоит?

- Я, конечно же, мечтаю о большой светлой квартире в тихом районе, о даче на берегу озера. Смешно сказать, но я не могу себе позволить этого, потому как умею делать творчество, а не деньги. А то, что я хотела бы, сейчас стоит очень больших денег. Впрочем, успокаиваю себя тем, что все это суета. Главное, что я умею быть счастливой. У меня есть волшебный ластик, которым я стираю из жизни плохие дни, воспоминания, разочарования, и живу дальше.

- Но вы же считаетесь самой дорогой певицей на эстраде?

- Да, это так. Цена моего концерта сегодня велика, но не для всех. Кто может, тот платит. Их немного, но слава Богу, что они есть. Практически благодаря этим людям я живу так, как должна жить нормальная артистка. Но, как правило, я всю жизнь иду на сцену не за деньгами, а чтобы вместе со зрителями плакать и смеяться, падать и взлетать в порыве единения душ, умирать и воскресать, чтобы, расставаясь, мы чувствовали себя обновленными и возрожденными из пепла, счастливыми от прикосновения к тайне под названием "блаженство творчества". А деньги, мне их нужно ровно столько, чтобы не чувствовать себя униженной и иметь возможность помочь хоть чуть-чуть кому-нибудь.

- Ситуация, когда ты один на Олимпе, очень опасна. В чем, по-вашему, главная опасность - во внезапном появлении конкурента или в полном отсутствии конкурента? Представьте себе, вдруг появляется девочка, которую вы случайно услышали, и вам стало страшно...

- Понимаю ваш вопрос и ваши намерения. Мне будет безумно страшно за нее. Я-то в своей жизни уже выжила, а ей еще придется выживать. И настоящая артистка выживет, потому что ее силы - в любви зрителя. Это удивительная сила. Конечно, я сразу почувствую появление такой певицы, но вряд ли это произойдет сейчас. Сейчас, наверное, где-то в подземных переходах рождается Эдит Пиаф.

Алла Пугачева: «Я не певица»

- Как, вы же считаетесь нашей Эдит Пиаф?

- Нет, я - ваша Алла Пугачева. А вот где-то рождается Эдит Пиаф - трагическая певица, та певица, которую вы так ждете. Трагическую певицу делает трагическая жизнь. Надеюсь, что такую певицу придется еще долго ждать, потому что я не хочу трагедий в жизни. У меня своя трагедия, а точнее драма, я драматическая певица. Я пою о любви к ближнему, о любви матери к ребенку, к Родине. Любовь - это то, что питает меня и мое творчество. У меня не было какого-то одного ампула, а если и было, то ампула многоплановой певицы. А потом я, как зеркало, разбилась, и все осколки стали петь, как бы все вместе, но вместо меня. Правда, у меня есть еще и другая сторона зеркала - антимир. И я опять возникаю обновленной и немножко другой. Настоящих певцов делает жизнь. Я каждому певцу желаю хорошей и интересной жизни, пусть сложной, но не трагической.

- Если вы увидите такую певицу, найдете в себе силы сказать: "Да, это она!"?

- А что в этом такого удивительного, что в этом страшного? Я, естественно, как все, жду пришествия такого человека, который не меня заменит, а свое принесет, свое даст. И я тогда с облегчением скажу: "Ну, слава Богу, ты пришла!". Мне в свое время так сказала Клавдия Шульженко. Она мне не свое отдавала, а мое приветствовала.

- У Шульженко в конце пятидесятых годов был абсолютно провальный период, когда она была элементом чего-то вечного и надоевшего, молодежь воспринимала ее как старье. Проходят годы, и она снова великая певица. В жизни артиста часто так бывает, что он рождается несколько раз. У вас так же?

- Я - "урод" в этой жизни, и не надо меня ни с кем сравнивать.

- Многие звезды, и Шульженко не исключение, находили общий язык с властью имущими. И вы, говорят, неплохо ладите с Руцким...

- Руцкой не только человек, власть имущий, он просто человек. Со своими слабостями, со своими сильными чертами характера. Он классный мужик - симпатичный, мужественный. И у нас с ним действительно сложились неплохие отношения. Правда, был такой случай. Однажды мы большой компанией собрались у меня дома посмотреть "Рождественские встречи". Вдруг звонит Руцкой: "Алла, я у Никиты (Михалкова. - Ред.), скоро приеду". А я отвечаю: "Подождите, подождите. Я вас не приглашаю не потому, что плохо к вам отношусь. У меня просто полно дом артистов, моих друзей, все же сразу обломаются. Нужно мне это?" Он, молодец, понял все и не обиделся. Потом, правда, перезвонил и сказал: "Мне плевать, как они там у тебя будут себя вести, мне очень хочется приехать, и мы сейчас приедем". И действительно приехал. С ним еще какой-то мужик с женой. Александр Владимирович весь вечер смотрел "Рождественские встречи", а когда увидел Мисина, вдруг грозно произнес: "Я бы таких певцов..." и замолчал. Вместе с ним замолчали и все. Помню, что мы тогда прилично поспорили. Мне кажется, что каждый должен заниматься своим делом. И у Руцкого наверняка есть свое дело. Правда, он излишне категоричен даже в тех вопросах, в которых ничего не смыслит.

- То есть, вы его не видите президентом?

- Нет. Потому что я к нему хорошо отношусь. Повторяю, мужик он замечательный и толковый в тех вопросах, в которых компетентен. Ему надо бы подоб-

рвать такое дело, где бы он был на коне. Цены бы ему не было. Небо страны защищать или что-то в этом роде.

- Давайте немножечко про Филиппа. В творческом отношении вы за него спокойны?

- Да, спокойна. Он не просто фанатик сцены, он - певец. Он поет и людям удовольствия доставляет, и сам получает удовольствие. Для него сцена - это все, всегда. Я на сцену иногда иду, как на плаху. Сегодня - как на плаху, завтра - как в поликлинику... Я иду туда зачем-то. Себя отдаю и что-то получаю, ведя с собой примерно такой диалог: "Ну, зачем я туда сегодня иду? Надо идти, ждут. Ладно, пошла". Для меня сцена - это способ общения с людьми. Иногда это не всем понятно. А Филипп хорош тем, что он всегда прост, открыт, понятен. Он достоин любви зрителей.

- Вы как-то пытаетесь прогнозировать его зенит, подсказать, например, что он должен петь?

- Он должен петь то, что хочет. Его греческо-болгарское направление ему очень удается. Это певец, который нужен всегда. И мне все больше нравится то, что он делает. Только не подумайте, что это тот случай, когда не отрекаются любя. Он такой молодец, так старается. Да и любовь сделала его другим человеком. Он каждое утро говорит мне: "Ты будешь гордиться мной!" Раньше им гордилась мать, теперь - жена. Он вечный ребенок, который верит в счастье, порядочность и хочет, чтобы его любили. Женщины на него "падают" каждый день. Это факт.

- А как вы на это реагируете?

- Ему повезло. Я уже на всеотреагировала. Я его понимаю, а он меня понимает, потому что меня придумал и верит мне.

- Вас придумали другие...

- Он придумал меня круче вас всех. Я им держусь. Это мой стержень. Если он будет меня любить так, как любит сегодня, я буду петь еще вечность.

- Многим кажется, что Филипп при Алле. Это так?

- Мы друг при друге. Я даже где-то стала восточной женой. Он относится ко мне так, как к женщине может относиться настоящий мужчина. В своей жизни я даже не привыкла к тому, что за меня платят, потому что мои прежние мужья были очень талантливые люди, но все без де-

нег. Последний - Жень Болдин. Тринадцать лет вместе. Он молодец, надо было вытерпеть унизительное безденежье рядом со звездой. Теперь у него все в порядке. Я на него смотрю и думаю: "Будь ты здоров!". Ему это для счастья нужно было. А мне нужен был для счастья такой, как Филипп Киркоров, который на всю Германию кричал: "Я Вас люблю!" еще восемь лет назад.

- Да, Евгению с вами несладко приходилось...

- Сладко или нет, спросите у него. Хотя, что вы имеете в виду?

- Например, историю с Кузьминым...

- Кузьмин сделал наши отношения с мужем только честнее и крепче.

- Каким образом?

- Кузьмин меня полюбил, я его полюбила. А мой муж боролся за меня, как мог. Ему нужна была такая победа, и он тогда победил.

- Вы, конечно, вели себя с ним, как царица...

- Я вела себя так, как подобает женщине. Если бы была не права, то Жень Болдина и не было бы сейчас рядом со мной в лице друга. Это странно слышать, но, поверьте, когда я его ругала и даже в чем-то унижала, я его испытывала. Он был очень ранимым раньше, а теперь он готов к большим, интересным делам, он стал неуязвим.

- Мне кажется, пройдет какое-то время, вы устанете от Филиппа, и он уйдет. Он будет за вами ходить, а вы на него - смотреть сверху вниз. Сейчас вас привлекает в нем незаполненность его сосудов, у вас избыток идей, чувств, таланта, вам надо это куда-то перелить...

- Филипп не относится к тем людям, которым надо что-то переливать. А если он уйдет от меня, то я буду завидовать той женщине, к которой он уйдет. Хотя, я верю в лучшее. Он был воспитан, как и я. Семья для нас святое.

- А как вы относитесь к паре Пресняков-младший - Кристина Орбакайте?

- Это очень трудная пара. Но они так любят друг друга, и Никита - гениальный продукт этой любви.

- Он на вас похож?

- Похож. Мой. Я вообще судьбе очень благодарна. И сейчас мне так хорошо, что даже страшно.

- Есть такая радиостанция - "Надежда". Ваши песни там очень часто звучат.

- Это, видно, программа для наших. Все остальное прозападное. У нас гениальная, особая страна. Народ, который так хотел часто слышать зарубежных исполнителей, увидя их и насытившись ими, опять хочет слышать Пугачеву. Сколько бы мы ни оглядывались на границу, сколько бы ни говорили по-английски, по-французски, все равно мы хотим "полюшко-поле". Гениальная страна. И я знаю, что без них, без людей, которые сидят в зале, мне не жить.

- Сегодня вы словно искрестись, и вам потрясающе идет черный цвет...

- Я ношу его вынужденно. Раскрою этот маленький секрет в книге, которая будет называться "Силы небесные". Я всю жизнь боялась летать в самолетах, сажусь в самолет и говорю: "Пока книгу не напишу, ты меня, Господи, не трогай". Поэтому все оттягиваю и оттягиваю этот момент. А если серьезно, то надо писать. Может, эта книга поможет кому-то, как мне помогает моя настольная книга "Воспоминания Константина Коровина". Вспоминать, конечно, легче, чем писать о том, что есть. И все же, если мне суждено уйти, то я хотела бы уйти с мыслью о том, что я это выполнила.

- Вы все-таки чего-то не договариваете. Казалось бы, вы открыты, мы слушаем вас, и всегда за вами стоит какая-то загадка. А эта фраза: "Я не певица", как ее понять?

- Да я уже это много лет говорю. Я - не певица, я - женщина, которая поет.

Пугачева Алла

11.94